

АНХАКИ ВЯЧЕСЛАВ РОМАНОВИЧ (ЮРЬЕВИЧ)

Я помню Вячеслава АНХАКИ. Мы встретились с ним весной 1988 года в Пицунде на IV Всероссийском семинаре молодых писателей народов Севера. Он привёз тетрадку со стихами на русском языке. Однако в Пицунде его никто не понял, а рукопись все обругали. Аليت Немтушкин обвинил Вячеслава в бедности словарного запаса. Не повезло и его песням, исполненным под гитару. Владимир Санги, руководивший семинаром, прямо сказал, что тексты Анхаки не имеют никакой литературной ценности. Вячеслав сильно расстроился, но писать не бросил.

Вячеслав Анхаки родился в 1954 году в Корякском округе в одном из оленеводческих стойбищ. По национальности он был чукча, но характер его полностью сформировался в корякской среде. Ещё

одна подробность: в хозяйственной книге мать отчество записала ему своё – Романович. Но потом документы были выправлены на Юрьевича (по имени отчима поэта).

Так получилось, что Анхаки долгое время довелось жить у бабушки. Потом Вячеслава сильно подкосила травма ног, и ему пришлось из тундры перебраться в посёлок Средние Пахачи, который, по сути, оказался на самой границе проживания коряков и чукчей.

Судьба долго Анхаки не благоволила. Из-за обилия травм и болезней он в своё время не смог получить приличного образования. Пасти оленей ему было не по силам. Совхозное начальство, сжалившись, оформило его «подснежником» – сельхозработником, разрешив рабочее время проводить в конторе рисовать плакаты. Позже начальство даже перебросило Анхаки на отдел кадров. Директор совхоза надеялся, что в благодарность парень будет послушным исполнителем. И просчитался. Анхаки не захотел быть винтиком. Он стал отстаивать права земляков. В своём письме в журнал «Северные просторы» Анхаки рассказывал, что все конфликты в его родном посёлке Средние Пахачи происходили из-за приезжих самодуров, дорвавшихся до руководящих постов. «Я задумался, – писал Анхаки, – почему дома, в семье «среди своих соплеменников мы свободны, раскованны, а на службе становимся безгласными полуроботами, созерцателями, спокойно принимающими подлинными и мнимые дары цивилизации. И вселился в нас некто покорный, быстро привыкший к окрикам руководящих лиц, униженно просящий то правильно выправить пенсию, то выписать за наличные деньги положенные стройматериалы или навоз для огорода. Не говорю уже об устройстве на сносно оплачиваемую работу или благоустроенной квартире... Молодёжь коренных национальностей забывает свои традиционные промыслы, обрядовые праздники. Доходит до абсурда: на поминальный праздник забоя оленей, который проводится раз в году, попасть очень сложно. Не всем, конечно. Любопытствующему приезжему – пожалуйста. Но коряку, чукче почему-то именно в этот день необходимо исполнять срочные поручения администрации. Если таковых нет, то надо писать заявление, собрать несколько подписей на нём, где главная – директорская. А уж тот всегда найдёт повод для отказа. Вот почему идут люди на праздник крадучись, с истрёпанной сомнениями и страхом душой. А село моё считается национальным... На каком основании? Не потому ли, что название его не всякий новый житель сразу произнесёт правильно? Или потому, что ни один приезжий не живёт в балке, землянке или вагончике, где ютится большинство пенсионеров коренной национальности? А трудоустрой-

ство? Если в оленеводстве ещё можно найти себе место, на центральной усадьбе ты никому не нужен. Даже должность сторожа занята у нас «квалифицированным» специалистом, прибывшим на Север делать деньги... Вот такие у нас дела» («Северные просторы», 1988, № 6).

Надо ли говорить, что в отделе кадров совхоза «Пахачинский» Анхаки не задержался. Начальство попыталось его отправить в сельхозработники. Анхаки недоумевал. Он писал: «Я инвалид, у меня пулей задет позвоночник, я просил перевести в ночные сторожа, но мне отказали». Но переделать систему Анхаки не дали.

Уже в 2008 году корякская подвижница Галина Уркачан в одном из писем сообщала мне: «Друзья называли Анхаки самым нежным из лирических поэтов Корякии. И действительно, его стихи словно окутывали нежностью и любовью. И голос его был хоть и с хрипотцой, но бархатен и нетороплив, и, наверное, поэтому мы все так любили моменты, когда Вячеслав брал в руки гитару и исполнял свои песни. К сожалению, как большинство авторов глубинки, Анхаки специально не записывал все сочинённые им строки. За ручку он хватался лишь в минуты вдохновения. Поэтому до нас дошли не все его стихи. Больше всего Анхаки любил песню «Мои корни», где он признавался: «Мне не надо иного берега, пышных пальм, неземных цветов...». Его корни тянулись от кедрового стланика, раскинувшегося от Охотского моря до Берингова пролива».

Анхаки как-то написал:

*Благодарю мою случайность,
Что не дала мне перейти –
За ту черту, где бьётся крайность,
Где пустота одна в пути.
Благодарю дождливый вечер
Что в Средних зябнул Пахачах,
И миг любви – зелёным светом,
Что вдруг увидел я в очках.*

Как подчёркивала Галина Уркачан, «Анхаки, пожалуй, единственный поэт-бард, кто писал свои песни полностью на корякском языке. Тех, кто «для красного словца» делает вкрапления корякских слов в текст, немало, а вот таких, чтоб и по смыслу, и в рифму – найти сложно. Вячеслав это умел. Пример тому его стих, переложённый им же на музыку «Энатгэватъка» («Не забывай»). Это стих-прощание, с пожеланием не лить слёз и не забывать его по-

сле ухода. «Ведь даже птицы возвращаются после далёкой дороги в наши хоть и холодные, но людные места, вернусь и я»... Так можно с корякского языка перевести суть последних строк Анхаки. Эта песня в исполнении автора хранится в фонотеке бывшего Корякского окружного радио. Но плёнка, с которой слышится спокойный, с хрипотцой голос прощающегося певца, постепенно осыпается».

Умер Вячеслав Анхаки в июне 1995 года.